

- Снежкова* 2004 – *Снежкова И.А.* Формирование этнических представлений украинских и русских школьников // Социологические исследования. 2004. № 1. С. 83–89.
- Солдатова* 1998 – *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности М., 1998.
- Стефаненко* 1999 – *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. М., 1999.
- Шестопал* 2007 – *Шестопал Е.Б.* Политическая психология: Учебник для вузов. М., 2007.
- Шнирельман* 2002 – *Шнирельман В.А.* Ценность прошлого: этноцентрические мифы, идентичность и этнополитика // Реальность этнических мифов / Под ред. А. Малашенко. М., 2002.

I.A. Snezhkova, N.P. Moskalenko, E.Y. Shebaniuk. The Image of Russia and Ukraine in the Context of Geopolitical Changes

The study focuses on the issues of ethnic identity, tolerance, socio-psychological closeness, and interethnic relations between Russian and Ukrainian youth. A bloc of questions deals with the problem of the integrity of the two countries, as well as confidence in the state authorities and sources of patriotic feelings. There are questions concerning similarities and differences in understanding a number of certain key events in the history of both countries, that are presented differently in school and college textbooks in both countries. The results reveal some tension and a certain degree of intolerance in the relations between Russian and Ukrainian youth which can be accounted for not by their own life experience but seem to be inculcated by the media and school and college indoctrination.

ЭО, 2009 г., № 2

© Ю.П. Шабает, Н.В. Шилов, В.Н. Денисенко

ЯЗЫК И ЭТНИЧНОСТЬ: ДИСКУССИИ О ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКЕ В РЕГИОНАХ ПРОЖИВАНИЯ ФИННО-УГРОВ

Попытки рассматривать этнические группы как изолированные и однородные культурные целостности, имеющие ясные границы и четкие отличительные признаки, наиболее очевидны в современных дискуссиях о языках этнических меньшинств. Такие попытки неизбежно порождают противоречия и в позициях исследователей, и в построенных на основе названного концепта моделях этнополитики.

Цель предлагаемой статьи заключается в том, чтобы показать противоречивый характер как самих языковых дискуссий, так и языковой политики, проводимой в регионах, которые нередко именуют финно-угорскими. В первую очередь важно отметить, что именно язык оказывается в центре всех дискуссий, касающихся проблем сохранения этничности, а языковая политика местных властей становится почти синонимом региональной этнополитики.

Чем обосновывается такое внимание к языку? Является ли указанное отношение к языку следствием кардинальных сдвигов, происходящих в этноязыковой ситуации, существенных перемен в этнокультурных ориентациях российских финно-угров, ослаб-

Юрий Петрович Шабает – доктор исторических наук, заведующий сектором этнографии Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН; e-mail: shabaeff@online.ru

Николай Владимирович Шилов – кандидат исторических наук, доцент, ведущий советник аппарата Комитета Государственной Думы Российской Федерации по делам национальностей; e-mail: shilov13@mail.ru

Валентина Николаевна Денисенко – кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора этнографии Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН; e-mail: shabaev.hist@mail.komisc.ru

ления внимания к языковым вопросам со стороны властей регионов, в которых значительную долю населения составляют финно-угры?

Применительно к сегодняшнему дню на все поставленные вопросы можно дать отрицательные ответы. Этноязыковая ситуация в стране кардинально изменилась в 1958 г., когда в бывшем Советском Союзе была осуществлена реформа школы и родители учеников впервые получили право сами выбирать язык обучения для детей. Тогда в массовом порядке по просьбам родителей обучение во множестве школ было переведено с национальных языков на русский. Отношение к данной реформе среди специалистов до сих пор неоднозначно, но несомненно, что осознанный выбор десятков тысяч людей – более убедительный показатель культурных ориентаций, нежели доводы многих отечественных и зарубежных языковедов о насильственной русификации, проводившейся в те годы властями. С тех пор заметных изменений в языковой ситуации и в языковых ориентациях населения не произошло.

С начала 1990-х годов предпринимаются различные меры по поддержке миноритарных языков: принимаются законы о государственных языках и повышается их статус, разрабатываются государственные программы развития языков, усиливается работа по нормированию языков и т.д. Все эти меры получают официальную поддержку, а литература на национальных языках издается в национальных республиках и округах как социально значимая, т.е. за счет государственных средств. Тем не менее заметных изменений в этноязыковой ситуации не происходит. И это объяснимо – финно-угры были и остаются этническими меньшинствами и при этом воспринимают русских как референтную группу, поскольку, несмотря на стабильное повышение образовательного уровня, финно-угры все еще отстают в образовательном плане от русских (Финно-угорский 2004: 24), а доминантная культура очевидно воспринимается представителями этнических меньшинств как более престижная. Изменить культурную ситуацию и культурные ориентации возможно при изменении, во-первых, демографических пропорций этнических групп, во-вторых, отношения к восприятию русского языка. Здесь следует согласиться с тем, что "российская культура носит сверхэтнический или этнически индифферентный характер", а "что касается лежащего в ее основе русского языка, то он в столь же малой степени является собственностью этнических русских, как современный английский – собственностью англичан" (Малахов, Осипов 2008: 69). Очевидно, что ни того, ни другого в обозримой перспективе не произойдет. Поэтому культурная интеграция меньшинств в доминантное большинство – устойчивая и долговременная тенденция. При этом нельзя говорить и о том, что языки российских финно-угров находятся под угрозой исчезновения, хотя подобные утверждения нередко можно слышать из уст языковедов и особенно представителей этнических элит.

Коми, коми-пермяки, удмурты, марийцы, мордва – преимущественно аграрные этнические сообщества и на селе в своих регионах обычно численно доминируют, а потому тут роль финно-угорских языков остается весомой. Иная ситуация наблюдается в городах, где финно-угры находятся в меньшинстве, межэтнические контакты очень интенсивны, а русский язык доминирует во всех сферах, в том числе в семейном общении представителей этнических меньшинств. Полиэтническая городская культурная среда не может функционировать, опираясь на язык меньшинств, даже в случае локального доминирования этого меньшинства. Примером может служить дореволюционный Усть-Сысольск (Сыктывкар), который был единственным городом на европейском севере России, где преобладало нерусское население (Рогачев 2006). Ныне же финно-угры в составе городского населения республик и округов являются не просто меньшинством, но меньшинством, сформировавшимся преимущественно из сельских мигрантов, представители которого стремятся интегрироваться в доминирующую культурную среду. Культурная интеграция, в том числе языковая ассимиляция (и аккультурация), есть важный этап социализации мигрантов и их детей.

Перепись населения 2002 г. только подтвердила тот факт, что языковая ассимиляция продолжается и становится более масштабной, что она тесно коррелирует с ростом доли городского населения среди финно-угров. Так, данные переписи показали, что только 48,4% карел в Карелии владеют карельским языком (*Клементьев* 2007: 74); среди мордвы, проживающей в Мордовии, 15,6% не владеют мордовским языком (*Мартыненко, Шилов* 2007: 169); в Республике Коми (РК) коми языком владеют 78,1% проживающих здесь представителей титульного этнического сообщества (*Шаббаев* 2007: 84); в Марий Эл 84,2% живущих тут марийцев владеют марийским (*Шаров* 2007: 161). Что касается языковых ориентаций, то они продолжают смещаться в пользу русского языка. Согласно данным микропереписи населения 1994 г., в семье общаются на русском языке 987 из каждой тысячи вепсов, 825 карел, 568 коми, 381 коми-пермяк, 363 марийца, 350 удмуртов, 864 ханта (*Финно-угорские* 1999: 10).

Отношение к русскому языку в целом позитивно у всех этнических групп, ибо сама обыденная практика доказывает людям, что общий язык необходим. Другая ситуация складывается в отношении языка у титульных этнических групп. Так, опросы населения Республики Коми (2004 г.) и Коми-Пермяцкого автономного округа (2005 г.), проведенные по единой программе, показали следующее: в республике 26,6% респондентов считают, что все дети в школах должны изучать язык коми; в округе доля аналогично настроенных респондентов была ниже – 17,5%. Проведенный в 2001 г. массовый опрос населения Марий Эл показал, что здесь 38,9% респондентов высказались за то, чтобы все дети в школах изучали марийский язык (*Межнациональные* 2005: 110). Опрос населения Удмуртии в 2002 г. свидетельствовал о том, что в этой республике 31,1% удмуртов безусловно согласны с тем, чтобы удмуртский преподавался во всех школах в качестве обязательного предмета (еще 28,8% "скорее согласны" с этим; среди русских респондентов "безусловно согласных" лишь 3,8%, "скорее согласных" – 14,1%) (*Смирнова* 2002: 505). Сходные данные были получены и в Мордовии.

Во всех случаях самая большая доля респондентов ратует за то, чтобы язык титульных групп изучался учащимися только по желанию (от половины до двух третей). Но картина существенно меняется при анализе позиций разных этнических и социальных групп населения. В РК доля тех, кто считает необходимым, чтобы все дети в школах изучали язык коми, составляет среди коми 35,8%, среди русских респондентов – 13,3%. Соответственно за свободный выбор высказались 48,4 и 59,8%. Примерно аналогичное положение и в Коми-Пермяцком округе, правда, там доля выступающих за свободу выбора выше. Такова же ситуация и в Марий Эл: здесь высказались за необходимость обучения марийскому языку всех школьников республики 19,4% русских и 62,1% марийцев; против этого, соответственно, 65,7 и 23,7% (*Межнациональные* 2005: 110). При этом в РК и в Коми-Пермяцком округе выявилась интересная картина: жители сел выступают за всеобщий языковой ликбез более решительно, нежели горожане. Хотя в обоих случаях большинство сел и деревень – это населенные пункты с полным доминированием коми и, соответственно, комиязычной языковой средой. Таким образом, сложившаяся языковая среда оказывает заметное воздействие на этноязыковые позиции групп. В Марий Эл такой четкой зависимости в процессе указанного исследования не выявлено.

Вместе с тем более важно то обстоятельство, что этноязыковые взгляды этнических групп оказываются довольно стабильными. Так, вскоре после принятия в 1992 г. в Республике Коми закона "О государственных языках" был проведен общереспубликанский опрос "Общественное мнение населения Республики Коми по проблемам государственности и суверенитета". Согласно его результатам, с обязательным изучением языка коми во всех школах республики были согласны 24% респондентов (в том числе 37% коми) (*Денисенко* 2007: 37).

Обыденный опыт (он базируется на том, что в условиях единого политического, экономического и культурного пространства страны и прогрессирующих процессов

стандартизации и универсализации образа жизни различных групп населения локальные и этнические особенности все более утрачиваются) подсказывает людям, казалось бы, очевидные и наиболее осязаемые различия между этническими сообществами. Эти очевидные различия усматриваются прежде всего в языке.

Опыт *внешнего восприятия* культурных различий и языковые ориентации тесно коррелируют друг с другом. Не случайно результаты опросов показывают, что язык воспринимается значительной частью населения как важнейший этнодифференцирующий признак и главный идентификационный маркер. Подобное восприятие языка объясняет тот факт, что респонденты однозначно поддерживают идею обязательного обучения школьников языкам титульных групп. Однако идеальные модели и реальная языковая практика очень далеки друг от друга. На практике наиболее употребляемым даже на уровне семьи оказывается не родной язык, а русский. Что касается молодежи, особенно городской, то она полностью ориентирована на русский язык. По данным опроса 2004 г., всего 3% городских семей коми говорит с детьми на коми, в Коми-Пермяцком округе – 11,5%. В городах РК не владеют коми уже 42% детей. Свободно говорит на этом языке только четверть детей (Там же: 39). Сходная ситуация наблюдается и в других "финно-угорских регионах".

Вместе с тем признание языка важнейшим культурным маркером на деле есть лишь глубоко укоренившийся культурный стереотип. При более детальном анализе того, какой из культурных определителей для сохранения и поддержания этничности наиболее значим, оказывается, что так или иначе большинство людей признают: первостепенное значение имеет все же этническое самосознание.

Приведенные нами данные со всей очевидностью свидетельствуют о наличии конфликта интересов, а точнее сказать, конфликта этнокультурных (этноязыковых) позиций в отношениях между крупнейшими этническими общинами населения в "финно-угорских республиках" РФ. Этот конфликт, будучи важным показателем, не только характеризует общую этническую ситуацию в указанных регионах, но и требует вдумчиво и осторожно корректировать языковую и этнонациональную политику, проводимую региональными властями.

Тем не менее законы о государственных языках, принятые в Коми и Мордовии, предполагают не гибкую стратегию последовательного укрепления позиций языка коми и мордовского в системе школьного образования, а прямолинейную модель, предполагающую введение обязательного обучения языкам титульных этносов всех учащихся средних школ.

Преподавание финно-угорских языков в качестве обязательного предмета в школе потребует значительных средств для подготовки дополнительного контингента учителей, разработки и издания учебников и методических материалов. Причем необходимые средства придется изыскивать из бюджетов регионов, урезая расходы на другие образовательные нужды. Уже сегодня введение языка коми как предмета в школах республики вызывает протесты со стороны части родителей, выступающих против насильственного навязывания данного учебного предмета. В Мордовии, как показывает практика, приказ Министерства образования от 2004 г. о введении обязательного изучения мокшанского или эрзянского языков в школах практически игнорируется, поскольку он труднореализуем. В этой связи председатель исполкома Межрегионального совета общественного движения мордовского (мокшанского и эрзянского) народа М.В. Мосин заявил: "Из-за бюрократических подходов и нигилизма со стороны руководства некоторых школ большой работы по пропаганде родных языков не видно. Не скрою, что в отдельных школах республики ситуация с мордовскими языками неплохая – они ведутся там как полноценные предметы. Но в ряде школ эти предметы заменены факультативами. Это нас не удовлетворяет. Это говорит о том, что приказы Министерства образования попросту игнорируются. Поэтому совместно с министром... мы решили создать комиссию для проведения мониторинга. В ходе него

будут выявлены школы, в которых преподавание родных языков не ведется или ведется в недостаточном объеме" (Инсарова 2008).

Таким образом, получается, что для внедрения мордовских языков в практику школьного образования необходимы репрессии. Это уже сродни деятельности языковой полиции/инспекции, которая активно действует в канадском Квебеке или в Эстонии. Репрессивная языковая политика не вызывает одобрения у специалистов, но важно то, что в российских условиях она не может быть эффективной и нанесет очевидный удар по престижу "родных языков". В результате от языков, навязываемых с помощью репрессий, отвернутся не только те, до кого их хотят довести, но и те, кто думает на этих языках. Итак, современная языковая политика в Мордовии грозит стать неким "культурным бумерангом".

Как уже отмечалось, опросы населения финно-угорских регионов показывают, что за обязательное обучение языкам титульных этносов всех учащихся средних школ выступает довольно ограниченная часть населения. Последнее, однако, не означает, что нет необходимости в создании условий для обучения родному языку всех желающих. Такое право подтверждено российским законодательством, и условия для его реализации должны быть созданы. В том числе, видимо, следует создавать и школы (на данном этапе, возможно, только классы), где бы все предметы преподавались на финно-угорских языках.

Саму же языковую политику (и этнонациональную политику в целом) необходимо оценивать, ориентируясь не на принципы целесообразности или морали, а на *принципы права*. Здесь нужно согласиться с замечанием известного российского исследователя В. Малахова: "Хотя именно дискриминация, т.е. неравный доступ разных групп населения к власти и ресурсам, является основным источником напряжений в обществе, и именно с дискриминацией следует бороться для того, чтобы эти напряжения устранить или смягчить, участники российских публичных дискуссий предпочитают *правовому* языку недискриминации *моралистический* язык толерантности" (2006: 149).

Если перевести дискуссии о языке в правовое русло, то следует оценивать ситуацию с точки зрения двух правовых норм, а именно права на отличие, с одной стороны, и права на культурную свободу – с другой. Но региональные научные традиции, связанные с изучением этничности в целом и языковой политики в частности, сегодня представляют собой сложное сочетание объективизма, национального романтизма, политизированности и некоего неприятия аргументации, построенной на рациональных и правовых категориях.

Иллюстрацией к данному утверждению могут служить сами научные дискуссии и их итоги.

В конце 2007 г. в г. Кудымкаре состоялась конференция "Коми-пермяки и финно-угорский мир: будущее края – ответственность молодежи". Это была уже третья подобная конференция. Первая состоялась в 1995 году и ее инициатором выступил один из авторов настоящей статьи. Им же для указанной конференции был подготовлен специальный доклад, в котором основное внимание уделялось двум фундаментальным принципам современной этнополитики: неукоснительному соблюдению права на отличие и равному уважению к праву на культурную свободу. Группа местных исследователей (в основном филологов) была не согласна с идеями, высказанными в докладе. Особенно оппонентам не понравилось утверждение, что язык как культурный, этнический определитель не играет решающей роли. Будучи членами редколлегии сборника докладов, данные исследователи просто исключили из него текст выступления, содержащего не устраивающие их положения.

В ноябре 2005 г. в Петрозаводске прошла международная конференция "Проблемы обучения родным языкам, находящимся под угрозой исчезновения: теория и практика создания учебников и учебных материалов нового поколения". В рекомендациях конференции, в частности, подчеркивалось, "что длительное целенаправленное исключе-

ние языков многих коренных малочисленных народов и национальных меньшинств из сферы образования, культуры, государственного и местного управления привело к языковой ассимиляции, резкому уменьшению числа носителей родных языков, особенно среди представителей молодежи". Кроме того, утверждалось, что «последствия такой политики по отношению к языкам коренных народов и национальных меньшинств привели к утрате у значительной части их представителей осознания ценности своих языков, восприятию их как "непрестижных", затрудняющих социальный рост и получение качественного образования» (Рекомендации 2005: 26). В этом итоговом документе конференции фактически подвергся критике *свободный и осознанный личный выбор культурных ценностей* представителями этнических сообществ. Не признавалась в рекомендациях и роль рационального выбора, который имеет важное значение для самих носителей финно-угорских языков. Подобная позиция вполне сопоставима с позицией коми-пермяцких коллег и означает отрицание права на культурную свободу, что очень характерно для активистов этнополитических организаций финно-угров.

Ответственность за сложившуюся ситуацию в сфере языка участники конференции возложили на государство, хотя именно в нем они видят ту спасительную силу, которая способна изменить положение дел к лучшему. Решение многих проблем в языковой сфере видится участникам конференции в ратификации "Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств", определении юридического статуса понятия "языки, находящиеся под угрозой исчезновения", подготовке целевой программы "Родной язык в дошкольном образовании", проведении мониторинга положения языков меньшинств. В целях пропаганды значимости сохранения и развития родных языков предлагается учредить празднование Международного дня родного языка, Дня создания письменности и т.д.

К более конкретным предложениям относится разработка планов по подготовке и изданию учебно-методических комплексов, обеспечивающих преемственность в преподавании языка на всех уровнях обучения, создание программы переподготовки учителей, требование обязательной аттестации предмета "родной язык". Вместе с тем, остается неясным, как названные меры способны *изменить общественные настроения*, а корень проблемы кроется именно в них, что фактически признали и участники названной конференции.

И многие эксперты, и преподаватели финно-угорских языков придают основное значение сохранению языков в школе. Опрос преподавателей карельских школ показал, что большинство из них (две трети опрошенных) видят способ решения проблемы повышения языковой компетенции учащихся в увеличении часов, отводимых на изучение языка, т.е. в простых механических изменениях. Но при этом сами же признают, что школы к данным переменам практически не готовы (*Клементьев 2005: 32–33*).

Что касается способов повышения престижа языков меньшинств и изменения массовых языковых ориентаций, то об этом специалисты говорят мало и неохотно. Патерналистская позиция экспертов (и активистов этнических организаций) здесь очевидна – за все ответственно государство, и государство должно решать проблему.

В качестве одного из наиболее распространенных механизмов решения названной проблемы предлагается введение обязательного обучения языкам титульных этнических групп всех учащихся средних школ в каждой республике. Хотя некоторые филологи утверждают, что обязательность изучения есть лишь "охранная норма" (*Кудряшова 2005: 16*).

Указанные выше взгляды и образовательные практики основываются на концепциях лингвистической экологии, суть которых сводится к необходимости во что бы то ни стало сохранения всех языков. Сторонники этих концепций признают допустимыми любые меры и не всегда склонны считаться с мнением даже самих носителей язы-

ков. «Впрочем, ссылка на "народное мнение" встречается часто, но обычно "мнение народа" при этом отождествляется с мнением его национально ориентированной интеллигенции. Но всегда ли они совпадают? Ведь утеря этнического языка может восприниматься как явление вынужденное, но имеющее свои преимущества. Возникает конфликт, охарактеризованный одним из ирландских лингвистов: то, что хорошо для языков в целом, может быть плохо для их носителей как индивидов» (Алматов 2006: 79).

Видимо, не случайно в рассуждениях о необходимости расширять функции финно-угорских языков, повышать их престиж в обществе и школе отсутствует такой важный институт социализации, как семья. Именно в семье человек получает первые языковые навыки и именно она является важнейшим транслятором культурных традиций. Вместе с тем культурные ориентации семьи диктуются не столько символическими значениями, сколько рациональным выбором. А соображения рационального порядка показывают, что финно-уграм выгоднее ориентироваться на язык большинства, поскольку владение им открывает больше возможностей. Аналогичная ситуация складывается сегодня в Эстонии, где число учеников, приходящих в первые классы русских школ, стремительно сокращается. Родители предпочитают отдавать детей в эстонские школы, ибо хорошее знание данного языка открывает больше возможностей для карьерного роста.

Язык большинства – это, как правило, еще и государственный язык, средство интеграции граждан. И надеяться на то, что государство откажется от эффективного инструмента интеграции и предоставит миноритарным языкам приоритет хотя бы на локальном уровне, неразумно. Можно сказать, что в этом не заинтересовано и политическое сообщество (граждане страны), поскольку гражданская солидарность и гражданское единство формируются посредством общих культурных ценностей. В этой связи семья может и должна компенсировать ограниченность сферы применения миноритарных языков в социальном пространстве представителя меньшинств, и только она может эффективно сохранять языковые навыки.

Без семьи решить проблему повышения языковой компетенции представителей меньшинств нельзя. Более того, в триаде *семья – школа – окружающая культурная среда* важны все три компонента, и за счет только одного из них невозможно решить проблему изменения культурных ориентаций, проблему статуса тех или иных элементов этнической культуры. При этом семья в указанной триаде не случайно стоит на первом месте. Иными словами, в решении вопроса о повышении престижа языков меньшинств нет простых решений, к которым пытаются ее свести. Меньшинства объективно находятся в более уязвимом положении, и престиж их языков всегда будет ниже, нежели у доминантного населения. Не следует надеяться, что можно кардинально изменить данную ситуацию (это возможно только с изменением демографических пропорций). Поэтому у лингвистов есть опасения по поводу так называемой витальности (жизненности) финно-угорских языков. По их мнению, для поддержания жизнеспособности языка необходимо сохранять определенный объем его функций (Письменные 2000). Для того чтобы это было возможно, требуются не простые решения, а сложная, долговременная и кропотливая работа многих специалистов, реально заинтересованных в результате. И следует признать, что пока серьезной программы мер и стратегии действий по изменению языковой ситуации в регионах проживания финно-угров не предложено.

Решение задачи расширения функций языков финно-угорских народов чрезвычайно сложно, ибо требует активных усилий для реализации масштабных гуманитарных программ: завершения нормирования языков, определения допустимых пределов лексических заимствований и словотворчества, разрешения проблемы оптимального соотношения литературных языков и диалектных форм, а также многих других, которые до сих пор не решены финно-угорскими лингвистами.

В последние годы языковеды в "финно-угорских регионах" РФ видели свою главную задачу в том, чтобы пополнять и обновлять лексические системы языков за счет активного словотворчества. Языковед коми Е. Цыпанов заметил по этому поводу: «За последние 12–15 лет в коми, удмуртском, марийском, а также в мордовском и карельском литературных языках имеют место схожие процессы активного расширения лексических ресурсов за счет создания и активизации собственно-языковых слов-неологизмов, которые употребляются взамен заимствованных лексем или же чаще всего параллельно им в качестве синонимов. Появились десятки и сотни новых слов, напр., коми *оланпас* "закон", *енби* "талант", удм. *кункрезь* "гимн", *лулчеберет* "культура", марийск. *шанче* "наука", *тоштер* "музей" и т.д. Одним словом, за немногим более чем десятилетний период в родственных языках возникла новая лингвистическая реальность в виде большого корпуса неологизмов...» (Цыпанов 2005: 25).

В языке коми появилось около 2000 новых слов, и такое масштабное словотворчество воспринимается специалистами неоднозначно, о чем свидетельствует недавняя дискуссия между филологами коми, которая приобрела широкое общественное звучание. Видный драматург и ученый коми О. Уляшев в статье "Лексика, оторванная от корней", опубликованной в комязычном журнале "Войвыв кодзув", дал крайне негативные оценки процессам языкового строительства в Республике Коми и оценил современный государственный язык как "китайскую грамоту" (Уляшев 2005). Действительно, проблемы нормирования языка коми, внедрения новых слов трактуются нередко весьма упрощенно в духе языкового пуризма. Пуризм был особенно популярен на этапе становления национальных государств, когда язык и культура воспринимались как важные атрибуты суверенности. Так, в середине XIX в. в Румынии начали активно искоренять славянизмы в румынском языке, для чего отказались от кириллицы и перешли на латинский алфавит. В Германии в последней трети XIX столетия «немецкий пуризм ополчался прежде всего против галлицизмов, а вкуче с ними и против элементов греко-латинского происхождения; чешский пуризм, напротив, считал своей целью "очищение" родного языка главным образом от германизмов. Общим врагом чешских пуристов и их коллег из Германии и Австрии были интернационализмы» (Елинек 2006: 37–38). Однако по мере повышения научного уровня языкознания лингвисты пришли к пониманию того, что заимствования необходимы и только обогащают выразительные возможности литературных языков.

Сегодня увлечение языковедов пуризмом, как отмечает О. Уляшев, приводит к тому, что и рядовые потребители языка, т.е. школьники, и читатели массовых изданий отказываются принимать и понимать создаваемый ими новояз. Названная публикация вызвала широкую дискуссию среди специалистов, которая в свою очередь продемонстрировала, что единого понимания путей развития языка коми как государственного, как учебного предмета в профессиональной среде сегодня нет. Что касается рядовых носителей языка, о которых языковеды просто забыли, то их отношение к названным процессам можно охарактеризовать одной фразой, которую часто приходится слышать от информантов: "Газеты стало невозможно читать, мы их не понимаем". Впрочем, ряд специалистов полагает, что в реальности в языковую практику внедрено только несколько десятков новых слов, которые никак не могли сказаться на понимании литературного текста, а неприятие печатного слова на финно-угорских языках связано с тем, что в 1990-е годы население перестало из-за материальных трудностей выписывать и читать газеты, приобретать книги на родном языке, а потому навыки чтения были подорваны. Но дело в том, что люди не воспринимают и речь дикторов на телевидении, а ведь телевизионную информацию они не прекращали получать все минувшие годы. Серьезные проблемы возникают сегодня и у тех, кто пытается создавать интернет-ресурсы на финно-угорских языках. В Марий Эл блогеры требуют от филологов срочно принять единый стандарт, используемый для написания марийских букв, а наиболее радикальные из них пишут статьи под громкими заголовками (напри-

мер, "Филологи убивают марийский язык"), в которых заявляют: «Усилиями наших "ученых" мы скоро потеряем наш родной, красивый марийский язык» и требуют уволить лингвистов с работы (Филологи 2008).

Особая ситуация сложилась с карельским языком. Активисты карельского движения долгое время добиваются придания ему статуса государственного в Карелии, но этот чисто формальный акт вряд ли сколько-нибудь существенно изменит положение в республике, ибо даже у специалистов здесь нет единого мнения относительно путей развития карельского языка.

На указанной выше конференции в Петрозаводске, к примеру, были высказаны различные точки зрения на проблему развития карельского языка. Заведующий кафедрой карельского и вепского языков Петрозаводского университета Петр Зайков согласился, что создание единого карельского литературного языка (его пока нет) – продуктивная идея, но "народ должен созреть до языкового единства, пожелать этого". Активист карельского движения Анатолий Григорьев настаивает на немедленном движении к языковому единству. Заместитель председателя Госкомитета по делам национальной политики Наталья Антонова предлагает передать решение данного вопроса от политиков к ученым. По мнению директора Карельского института языка, истории и литературы Карельского научного центра РАН Ирмы Мултонен лингвистическая база для создания единого карельского языка есть, но в работе над столь сложной проблемой необходимо учитывать множество организационных и социальных условий. А заведующая сектором языкознания того же института Нина Зайцева, наоборот, полагает, что диалекты карельского языка настолько разнятся, что говорить об их объединении в единый литературный язык преждевременно (Фарутин 2005: 14–15).

Что касается угорских языков, к примеру, хантыйского, то с их развитием сложностей еще больше, поскольку проблема их нормирования только начинает решаться (Ользина 2007).

Если вернуться к правовым категориям, то необходимо отметить еще один важный аспект языковых дискуссий в "финно-угорских регионах", а именно **правовую асимметрию**. Все участники дискуссий признают право на отличие, но мало кто готов признавать право на культурную свободу.

Право на отличие означает, что каждый человек может изучать родной язык, и это изучение должно опираться на поддержку государства, т.е. государство призвано создавать условия для изучения родных языков. **Право на культурную свободу** базируется на том, что каждый человек (включая носителей финно-угорских языков) вправе сам выбирать те культурные нормы (включая язык), которые для него являются предпочтительными. Это означает, что навязывание языка (в любой его форме) есть покушение на право культурной свободы.

Характерная черта языковых и этнокультурных дискуссий – использование термина "национальный нигилизм" в отношении представителей финно-угорских народов, не желающих учить язык предков. Указанный термин присутствует в трудах многих местных языковедов и этнологов и рожден ими. Но более активно он употребляется этническими антрепренерами.

Чтобы закрепить личность за группой, этнические антрепренеры не только пытаются воздействовать на нее путем призыва к коллективной солидарности и к коллективным санкциям против "этнических отступников", но требуют от государства выступить в роли гаранта нерушимости границы между этническими группами, выступая тем самым за внедрение в практику советской модели фиксации этнической принадлежности личности или модели, которую можно охарактеризовать как "этническое крепостное право". В качестве примера подобного рода маркеров (и подобных позиций) можно сослаться на одну из реплик, размещенных на сайте www.kominarod.ru: "Люди, предающие свои корни и своих предков, – предатели во всем. Пусть это будет предупреждение для тех, кто работает и общается с такими людьми" (Уляшов 2007).

Наконец, весьма популярной в языковом дискурсе является идея *специальных языковых прав*, которая по существу представляет собой модификацию идеи групповых прав, т.е. неких особых прав, которыми якобы обладают этнические (расовые) сообщества в целом.

Здесь важно иметь в виду то, что закон должен строиться на четком понимании того, что представляет собой субъект права. В случае с этническими (и расовыми) сообществами такого четкого понимания быть просто не может, ибо границы этнических (расовых) сообществ весьма условны, размыты, а многие представители этнических групп в полиэтнических (миграционных) государствах или имеют множественную этническую идентичность (к примеру, ощущают себя одновременно и русским, и евреем или русским, и евреем и поляком одновременно и т.д.), или же вообще не характеризуют себя в этнических категориях, а называют американцем, россиянином, бразильцем, т.е. для них существует только гражданская идентичность. При этом вопрос об этнической принадлежности человека в таких странах часто ставит опрашиваемого в тупик, ибо в реальности нередко трудно определить ее. Не случайно во время переписи населения РФ в 2002 г. 1 млн 500 тыс. человек не смогли указать свою этническую принадлежность.

Стоит согласиться с еще одним очень важным принципом, который нельзя сбрасывать со счетов, когда дискутируется проблема коллективных прав этнических (или расовых) сообществ: "Субъект права должен не только иметь способность приобретать и реализовывать права своими действиями, но и исполнять обязанности, а также нести ответственность. Условное или статистическое множество подобными свойствами не обладает, и речь может идти только о фикции" (*Осинов* 2004: 443).

Таким образом, как только упускается из виду личностный аспект защиты интересов и прав, проблема теряет правовое значение и приобретает статус политического инструмента, с помощью которого отстаиваются интересы не абстрактных коллективов, а политических лидеров и элит, отождествляющих себя с данной группой или выступающих от имени группы.

Кроме того, идея групповых прав явно или неявно направлена против прав личности, хотя именно последняя наиболее очевидно может быть субъектом права в сфере культуры (равно как и политики, экономики и социальных отношений).

Продолжая рассматривать правовой аспект языковой политики, следует затронуть и сферу применения правовых норм. Ясно, что региональные правовые нормы не могут быть универсальными, т.е. претендовать на роль общенациональных норм. Это касается и языковой политики. Финно-угорские языки есть региональные языки, а потому попытка навязать преподавание этих языков всем учащимся школ, на наш взгляд, есть стремление придать данным языкам статус общегосударственных. В Финляндии, на пример которой часто ссылаются сторонники идеи навязывания языков, финский и шведский языки, которые обязаны изучать все учащиеся школ, есть языки общенациональные (что обусловлено исторически). В России финно-угорские языки могут быть только региональными, а это значит, что и их правовой статус должен быть иным.

Заметим, что, во-первых, языковое законодательство – лишь часть более широкого круга законодательных норм – законодательств о правах меньшинств, во-вторых, не существует каких-то международных стандартов, требующих от государства принятия языкового законодательства. Упомянутая выше Хартия о региональных языках носит рекомендательный характер и определяет лишь некие общие принципы языковой политики в странах, подписавших ее, но выбор реальной практики остается прерогативой национальных правительств.

Что может являться целью этноязыковой политики? На наш взгляд, следует выделить три наиболее очевидных ориентира, которые имеют значение для культурного позиционирования меньшинств и тесно связаны с языковой политикой.

Первый касается сохранения языка в контексте поддержания культурной самобытности этнических сообществ. Второй связан со сферой образования и формированием

этнических школ как инструментов этнонациональной политики. Третьим ориентиром, видимо, можно считать расширение коммуникативных возможностей языка, превращение его в элемент поддержания культурной солидарности как внутри этнической группы, так и внутри полиэтнического территориального сообщества. Любая из трех указанных целей сегодня может быть продекларирована и принята в качестве политического ориентира только в случае, если разработаны четкие механизмы их достижения и если реализация названных целей не порождает конфликтов между культурными группами.

В этой связи полезно сослаться на мнение немецкого специалиста в области права Маркуса Галдия, который пишет: "Языковая политика должна:

- учитывать общественное мнение в отношении используемого языка в языковом сообществе (описательный элемент политики);
- стимулировать специальные дебаты на темы межэтнических отношений, создавая соответствующие концептуальные рамки (для интеграции меньшинств, мультикультурализма, мультилингвизма);
- содержать общую стратегию в отношении используемого языка, межэтнических отношений, включая проблемы не только меньшинств, но и доминирующих групп;
- предлагать меры активного продвижения и функционирования языка (предписательный элемент), компенсирующие несоответствия, возникающие за предшествующую историю;
- повышать общественную осведомленность по вопросам мультикультурализма и мультилингвизма в системе образования;
- развивать профессиональные навыки правоведов и государственных чиновников из числа тех, кто имеет дело с проблемами мультикультурализма и мультилингвизма" (Галдия 2004: 74).

Язык – носитель культуры, но этнокультурная специфичность не требует отдельного языка для каждой культурной группы. Есть множество доказательств тому. В частности, французский специалист Франсуа Эрнан на разных примерах убедительно доказывает, что культурная отличительность не связана непосредственно с языком. Он рассматривает язык, используя метафору рынка, с позиции его "цены" и тех возможностей, которые открывает овладение им (Эрнан 2004: 99–100). Немецкий социальный антрополог Гюнтер Шлее также замечает, что этнические и языковые границы не всегда совпадают и указывает на многочисленные "этнические единицы, которые не имеют ничего общего с языком" (2004: 109). В этой связи важно обратить внимание на еще один аспект современной языковой ситуации: русский язык воспринимается многими представителями этнических меньшинств (они идентифицируют себя как носителей нерусской идентичности) как родной язык. Названная ситуация довольно хорошо проиллюстрирована Л.Б. Четыревой на примере калмыков. Она утверждает, что в результате интерференции русский язык приобретает такую форму, в которой он используется калмыками как родной (Четырева 2008). При том уровне межэтнического взаимодействия, которое наблюдается в современной России, подобные явления довольно распространены и неизбежны, в связи с чем очевидно, что утрата родных языков не ведет к исчезновению этнической идентичности.

Абсолютизацию роли языка в культурном позиционировании финно-угров другой зарубежный специалист, Майкл Бранч, назвал процессом мистификации (Бранч 1993: 52–57). Но абсолютизация роли языка – это не столько мистификация, сколько отличительная особенность современных этнических идеологий и этнических мифов. Причем, как отмечает белорусская исследовательница Юлия Чернявская, «древняя синонимия "народ – язык" переносится на современные рельсы без поправок и перекавалификаций» (2008: 213). Собственно мифологизация роли языка, на наш взгляд, есть попытка представить язык в качестве идеологии. Это отнюдь не новое явление и его

описанию посвящены довольно основательные работы (Kress, Hodge 1979; Fishman 2004). Вопрос в том, почему сегодня языковые дискуссии стали приобретать идеологическую направленность. Видимо, определенную роль играет то, что многие организации, ставящие своей целью защиту интересов финно-угорских меньшинств, в последние годы под влиянием политической конъюнктуры перекалвалифицировались из этнополитических в этнокультурные (общественные) и отказались от официально провозглашаемой идеологии. В реальности их роль в местных сообществах не изменилась, а тяготение последних к идеологии осталось неизменным.

Очевидно также, что абсолютизация роли языка и политизация языкового строительства не решают проблемы и не дают ответа на вопрос как сохранять язык. Уповать на политические методы решения проблемы можно, но ни государственный патернализм над меньшинствами, ни навязывание с помощью государства культурных стандартов меньшинства большинству не смогут помочь. На наш взгляд, путь решения языковых вопросов должен лежать в сфере утверждения мультикультурности в политике, социальной сфере и в общественных настроениях, т.е. это проблема стратегии социокультурного развития страны. Толерантными по отношению к меньшинствам власти и доминантные этнические группы станут тогда, когда меньшинства сами поймут, что нельзя решать свои проблемы за счет этнической сепарации и навязывания своих культурных норм другим группам или представителям собственного культурного сообщества.

Как мы полагаем, именно идеи этнической сепарации навязывались массовому сознанию в последние 20 лет, именно линия на политическое доминирование и культурную автаркию меньшинств не позволила трансформировать советские идеи интернационализма в идеи толерантности и мультикультурности. Этнические антрепренеры последовательно вели линию на этническую сепарацию, в реальности – на отрицание гражданского согласия. А там, где нет согласия в обществе, сложные общественные вопросы не решить. В решении проблем меньшинств в первую очередь сегодня должен быть достигнут общественный консенсус. Большинству следует добровольно пойти навстречу интересам меньшинства. Но последнее (включая этнические элиты и этнополитических лидеров) для этого должно уважительно отнестись к большинству. Только такая позиция и может считаться толерантной.

Анализ реальной ситуации показывает, что в сфере образования самой актуальной задачей на сегодня является существенное повышение качества обучения в сельских образовательных учреждениях, оснащение сельских школ необходимым количеством литературы и учебников, компьютерами и другими современными средствами обучения, привлечение в сельские школы хорошо подготовленных учителей-предметников. Если выпускник школы будет хорошо знать родной язык и литературу, но окажется слабо подготовлен по другим предметам, то перспективы его карьерного роста окажутся весьма призрачны. Такие ученики станут неконкурентоспособны на рынке труда и вынуждены будут осваивать непрестижные и плохо оплачиваемые сферы деятельности. Названная перспектива приведет к укоренению и усилению в массовом сознании меньшинств и доминантных групп "комплекса социальных аутсайдеров", что только усилит стремление представителей меньшинств к смене своего этнического самосознания и интеграции в доминантные группы.

Стремление к "этнизации школы" уже дает свои результаты. К примеру, единственные учителя-предметники, недостатка в которых нет в сельских школах Республики Коми, – это учителя языка и литературы коми. Но дефицит учителей иностранных языков, математики, химии, физики только усугубляется, что ведет к прогрессирующему снижению качества обучения в сельских школах, серьезно отражается на качественном составе абитуриентов вузов, приезжающих из сел. Сегодня, например, в Мордовии в ряде вузов создаются специальные "национальные группы", состав которых формируется почти полностью из выходцев из мордовских школ, при обучении

которых преподаватели вынуждены учитывать их языковую квалификацию и общий уровень знаний, т.е. эти группы сразу же "маркируются" как менее подготовленные к усвоению знаний, которые дает высшая школа. Названная ситуация создает для данных студентов целый ряд сложностей на пути их профессионального становления и понижает спрос на них со стороны работодателей.

Показательно, что в отличие от специалистов население воспринимает проблему повышения качества школьного образования в целом как наиболее актуальную. К примеру, опрос населения, проведенный исследователями Сыктывкарского университета в январе 2007 г. в самом депрессивном, но одновременно и самом моноэтническом сельском Усть-Куломском р-не, показал, что в числе острых социальных проблем, которые тревожат население, на первом месте оказались не низкие доходы, дефицит рабочих мест, упадок сельской медицины, а именно состояние школьного образования (более 50% респондентов заявили, что эта проблема их больше всего тревожит сегодня) (Гончаров, Шабаев 2008: 43).

Реализация масштабных программ поддержки сельских школ позволит преодолеть разрыв в качестве образования между выпускниками городских и сельских школ, что в свою очередь усилит позиции финно-угорских этнических групп в культурной конкуренции. Очевидно, что языковая политика в регионах проживания финно-угров и языковое строительство есть комплексная и сложная проблема, а предлагаемые сегодня методы ее решения вряд ли способны изменить отношение к миноритарным языкам. Более того, предлагаемые языковедами и этническими элитами методы языковой политики могут создать условия для усиления процессов аккультурации и ассимиляции среди финно-угров.

Литература

- Алпатов 2006 – Алпатов В.М. Что делать с малыми языками? // Славянские литературные микроязыки и языковые контакты: Матер. междунар. конф., организованной в рамках Комиссии по языковым контактам при Международном Комитете славистов. Тарту, 15–17 сентября 2005 г. Тарту, 2006.
- Бранч 1993 – Бранч М. Размышления об общей истории уральских языков // *Linguistica uralica*. 1993. № 1.
- Галдия 2004 – Галдия М. Языковое законодательство и предупреждение конфликтов // Этнопарорама. 2004. № 1.
- Гончаров, Шабаев 2008 – Гончаров И.А., Шабаев Ю.П. Территориальная и социальная идентификация жителей Республики Коми (по материалам социологических исследований) // Формирование региональной структуры гражданского общества: социоэкономические и социокультурные аспекты: Матер. третьего северного экологического конгресса "Социальные перспективы и экологическая безопасность", 18–20 апреля 2007 г. Сыктывкар, 2008.
- Денисенко 2007 – Денисенко В.Н. Родной язык и этнос: коми и коми-пермяки // Матер. XXXVI междунар. филолог. конф.. Вып. 9: Уралистика. 12–17 марта 2007 г. Санкт-Петербург, 2007.
- Елинек 2006 – Елинек М. О чешском языковом пуризме нового времени // Глобализация-этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы. Кн. II. М., 2006.
- Инсарова 2008 – Инсарова Н. Родные языки – в каждую школу! // Финно-угорская газета. 28 февр. 2008 г. № 3(10).
- Клементьев 2005 – Клементьев Е.И. Роль школы в сохранении языков // Финно-угорский вестн. 2005. № 39.
- Клементьев 2007 – Клементьев Е.И. Республика Карелия в зеркале переписи 2002 г. // Этнокультурный облик России. Перепись 2002 г. М., 2007.
- Кудряшова 2005 – Кудряшова Л. Коми речь! Терпи родная // Финно-угорский вестн. 2005. № 39.
- Малахов 2006 – Малахов В. Настоящее и будущее национальной политики в России // ПРОГНОЗИС. Журнал о будущем. 2006. № 3.
- Малахов, Осипов 2008 – Малахов В.С., Осипов А.Г. Категория "этническое меньшинство" в российском публичном и законодательном дискурсах // Мир России. 2008. № 3.
- Мартыненко, Шилов 2007 – Мартыненко А.В., Шилов Н.В. Республика Мордовия: тенденции этнодемографического развития // Этнокультурный облик России...

- Межнациональные 2005 – Межнациональные отношения в Республике Марий Эл. Йошкар-Ола, 2005.
- Ользина и др. 2007 – *Ользина Р., Скрибник Е., Кошкарева Н.* Как развиваться хантыйскому языку // Мир Севера. 2007. № 4.
- Осинов 2004 – *Осинов А.Г.* Национально-культурная автономия: идеи, решения, институты. СПб., 2004.
- Письменные 2000 – Письменные языки мира: Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. Кн. 1. М., 2000.
- Рекомендации 2006 – Рекомендации Международной конференции "Проблемы обучения родным языкам, находящимся под угрозой исчезновения. Теория и практика создания учебников и учебных материалов нового поколения" // Финно-угорский вестн. 2005. № 39.
- Рогачев 2006 – *Рогачев М.Б.* Столица зырянского края. Сыктывкар, 2006.
- Смирнова 2002 – *Смирнова С.К.* Феномен Удмуртии. Этнополитическое развитие в контексте постсоветских трансформаций. М.; Ижевск, 2002.
- Уляшев 2005 – *Уляшев О.И.* Орём вужъясысь кыён кыввор // Войвыв кодзув. 2005. № 4.
- Уляшов 2007 – *Уляшов А.* "Кыдыя роч" Они стыдятся своего языка, презируют все, что связывает их с родной нацией // www.kominarod.ru
- Фарутин 2005 – *Фарутин А.* Под угрозой исчезновения // Финно-угорский вестн. 2005. № 39.
- Филологи 2008 – Филологи убивают марийский язык // www.kominarod.ru
- Финно-угорские 1999 – Финно-угорские регионы России: Стат. сб. Сыктывкар, 1999.
- Финно-угорский 2004 – Финно-угорский мир: Стат. сб. Сыктывкар, 2004.
- Цытанов 2005 – *Цытанов Е.А.* Лексическое обновление в коми, удмуртском и марийском языках: общее и особенное // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов: Матер. III Всерос. конф. финно-угроведов (1–4 июля 2004 г., Сыктывкар). Сыктывкар, 2005.
- Чернявская 2008 – *Чернявская Ю.* Идентичность на фоне мифа // Антропологический форум. 2008. № 8.
- Четырева 2008 – *Четырева Л.Б.* Русскоязычие нерусских: истоки и следствия // Изв. Самарского гос. ун-та. Сер. "Гуманитарные исследования". Филология. Вып. 1. Самара, 2008.
- Шабаев 2007 – *Шабаев Ю.П.* Республика Коми: этническая ассимиляция или культурный плюрализм? // Этнокультурный облик России...
- Шаров 2007 – *Шаров В.Д.* Марийцы в Республике Марий Эл: депопуляция или несовершенство переписи? // Этнокультурный облик России...
- Шлее 2004 – *Шлее Г.* Управление конфликтами: теория и практика. М. 2004.
- Эрнан 2004 – *Эрнан Ф.* Неизбежно ли исчезновение языкового разнообразия? // Этнопанорама. 2004. № 1.
- Fishman 2004 – *Fishman J.* The primordialist–constructivist debate today: the language-ethnicity link in academic and in everyday-life perspective // Ethnonationalism in the Contemporary World. Walker Connor and the Study of nationalism / Ed. D. Conversi. L.; N. Y.: Routledge, 2004.
- Kress, Hodge 1979 – *Kress G.R., Hodge R.* Language as Ideology. L.: Routledge, 1979.

Y.P. Shabaev, N.V. Shilov, V.N. Denisenko. Language and Ethnicity: Discussions on Language Policies in Finno-Ugric Regions

The authors point attention to the fact that attempts at viewing and representing ethnic groups as isolated and homogenous cultural entities, which are not infrequent today, are most obvious in current discussions on languages of ethnic minorities. These attempts, as the authors stress, lead to the construction of deeply contradictory ethnopolitical models of various sorts. The essential characteristics of these discussions as well as the features of ensuing models are critically analyzed in the article which focuses, as a case study object, on the major regions where Finno-Ugric peoples reside.